

РОМАНЫ
КОННА ИГГУЛЬДЕНА

ИМПЕРАТОР

Врата Рима
•
Гибель царей
•
Поле мечей
•
Боги войны
•
Кровь богов

ЧИНГИСХАН ♦ ХРОНИКИ ЗАВОЕВАТЕЛЯ

Волк равнин
•
Повелители стрел
•
Кости холмов
•
Империя серебра
•
Завоеватель

ГРЕЧЕСКИЕ ВОЙНЫ

Врата Афин
•
Защитник

ЗОЛОТОЙ ВЕК

Лев

ВОЙНА РОЗ

Буревестник
•
Троица

КОНН ИГГУЛЬДЕН

ВОЙНА
РОЗ

КНИГА 2

-Троица-

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
И 26

Conn Iggulden
TRINITY
Copyright © 2014 by Conn Iggulden
All rights reserved

Перевод с английского Александра Шабрина

Оформление обложки Егора Саламашенко

ISBN 978-5-389-25474-9

© А. С. Шабрин, перевод, 2015
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

ОТ АВТОРА

Чувствую себя премного обязанным персоналу «Michael Joseph» и «Penguin Books» за издание таких красивых книг, а еще за советы «испробовать что-нибудь средневековое».

Читатель, если вы остановили выбор на этой книге, то я благодарен и вам.

И наконец, должен поблагодарить моего сына Кэмерона за то, что в последний момент подсказал мне название.

ПРОЛОГ

Соглядатаем виконт Мишель Гаско, безусловно, не был. Заслышав что-либо подобное в свой адрес, он лишь скривился бы в ироничной улыбке. Само собой разумеется, по возвращении на родину французский посланник при английском дворе обязан докладывать своему монарху все, что может представлять для его величества интерес. Правда и то, что виконт Гаско располагал внушительными связями в королевских дворцах Европы; был сведущ и в ее ратных делах. Зная, что может так или иначе заинтересовать Карла Французского, виконт Гаско учитывал это и кропотливо подмечал все происходящее вокруг себя, хотя интересного, признаться, происходило не так уж много. Шпионы-наушники и соглядатаи — это, как правило, грубые, низменные простолюдины, что кроются в нишах и подворотнях, а затем змеистым шепотом передают друг другу воровски добытые сведения. Виконт же Гаско, *d'un autre côté*¹ — «на другой руке», как говорят англичане, — был тонким и благородным французским дворянином, выше подобного плебейства настолько, насколько Солнце выше Земли.

Эти и другие подобные мысли были, пожалуй, единственным, чем ему оставалось тешиться в докучливые часы безделья. Королю Карлу надо будет обязательно поведать о том, как его, французского посланника, игнорировали на протяжении целых трех дней, когда он был вынужден в сучливой задумчивости бродить по помпезным анфи-

¹ С другой стороны (фр.).

ладам Вестминстерского дворца, время от времени пиная каблук одной своей туфли носком другой. Приставленные к виконту слуги были, похоже, даже толком не умыты, хотя прибыли достаточно быстро. От одного из них просто-таки разлило конским потом и мочой, будто он все свободное время отирался на королевских конюшнях.

Надо признать, что телесные нужды Гаско удовлетворялись более или менее сносно, порой в отличие от нужд посольских. Каждое утро начиналось с того, что слуги из собственной свиты облачали его в самые изысканные наряды и плащи, выбирая их среди изобилия набитых одеждой здоровенных сундуков, привезенных им из Франции. Пока виконт еще ни разу не был вынужден повторять сочетания цветов. Иногда ему случалось краем уха слышать в свой адрес нелестные словеса вроде «французский павлин», но на подобные шуточки английской челяди он и ухом не вел. Яркие цвета поднимали ему настроение и хоть как-то разнообразили вынужденный досуг. О подаваемой на стол еде виконту не хотелось и думать. В целом понятно, что англичане для этого наняли повара-француза; ясно и то, что сей мужлан питал к своим соотечественникам явную нелюбовь. Иначе чем можно объяснить ту преснятину, что изо дня в день подавалась к столу (при мысли об этом виконт непроизвольно передернул плечами).

Медленно, словно похоронная процессия, тянулись часы. Все свои официальные бумаги виконт уже давно прочел и перечел во всех деталях. В зыбком свете свечей он наконец приступил к изучению серовато-коричневой книги, испещренной его пометками и замечаниями. «Государь» Никколо Макиавелли — этот трактат с некоторых пор входил у виконта в число любимых. Церковь это сочинение, конечно же, порицала. В ее перечне запрещенных книг — пресловутым «Индексом» — значились чуть ли не все сколь-либо заметные и интересные книги. Виконт Гаско давно вменил себе за правило выбирать чтение исключительно из «Индекса», черпая в тех запретных плодах человеческой мысли

силу духа и окрыляющее вдохновение, — таковы были идеи и мысли, изложенные в проклятых святошами томах. Изначальная обложка «Государя» была, разумеется, содрана и сожжена, а пепел осмотрительно разворошен, чтобы ни одна взыскующая рука не могла указать на то, чем эти угли некогда были. Нынешняя грубая, в пятнах вина и воска обертка из кожи — увы, печальная необходимость в век, когда человек, полыхая злобным восторгом, изобличает и доносит хозяевам на ближнего своего.

Это запретное занятие оказалось в конечном счете прервано вторжением — столь же неожиданным, сколь и долгожданным. За минувшие дни Гаско уже привык к раскатистым ударам колокола, отмеряющего здесь каждый час и полчаса, — медно плывущий звук, вырывающий из сна и не менее пагубно действующий на пищеварение, чем вид задохликов-голубей, жалко лежащих на подаваемом к столу блюде. Притерпевшись к этому бою, виконт уже успел утратить чувство времени (знал лишь, что час весьма поздний), а потому слегка оторопел, когда в комнату без стука вдруг влетел «конюх» (так Гаско прозвал того пахнущего конюшней слугу) и с порога торопливо сообщил:

— Виконт Гаскор, вас вызывают!

Бог судья тем, кто коверкает твоё гордое имя. Гаско не выдал раздражения: что взять с этого простофили. А Всевышний, как известно, взывает о милости к таким бедолагам, уча высшее сословие состраданию, — так, во всяком случае, неустанно твердила мать виконта. Крамольную книгу он, вставая, предусмотрительно положил на стол. Буквально в шаге за этим малым стоял его эконом Альфонс. Гаско лишь выгнул бровь: знак достаточный, чтобы слуга в его отсутствие уберёг книгу от посторонних глаз и рук. Альфонс отрывистым кивком поклонился — пантомима, повергшая «лошадника» в смятение.

Виконт Гаско надел перевязь с мечом, подставляя плечи под желтый плащ, которым его окутал Альфонс. Когда по-

сол поглядел на кресло снова, книги там уже не было: исчезла. Воистину этот слуга — образец рассудительности, и не только из-за отсутствия языка. Гаско кивнул в знак признательности и решительно пошагал вслед за «конюхом», направляясь через комнаты в прохладный внешний коридор.

Снаружи его дожидалась группа из пяти человек. Четверо, судя по королевским табардам поверх кольчуг, — солдаты. А пятый в плаще, дублете и облегающих шосссах — все добротное, по шитью и выделке ничуть не хуже, чем у самого посланника.

— Виконт Мишель Гаско? — осведомился он.

Виконт, отметив безупречность произношения, с улыбкой ответил:

— Честь имею. К вашим услугам, э-э-э?..

— Ричард Невилл. Граф Солсбери и лорд-канцлер. Прощу извинить, что тревожу в столь поздний час, но нас, милорд, ожидают в королевских покоях.

Гаско легко пристроился сбоку от знатной персоны, игнорируя железное бряцание ступающих сзади солдат. За годы своей придворной службы он видал вещи и постранней, чем полуночные собрания.

— Так мы к королю? — с нарочитой непринужденностью спросил он, вместе с тем оглядывая графа вблизи.

Солсбери был немолод, сухо-породист; прямая выправка худой высокой фигуры выказывала исправное здоровье. Безусловно, выдавать сейчас осведомленность французского двора о плачевном состоянии короля Генриха по меньшей мере опрометчиво.

— К сожалению, его высочество король Генрих сейчас недомогает. Разумеется, временно: озноб и небольшой жар. Надеюсь, вы меня за это не осудите, но я предлагаю вам встречу с герцогом Йоркским.

— О, милорд Солсбери, сложно и передать, как мне прискорбно слышать от вас такое, — с елейной жалостью промолвил виконт.

Видно было, как глаза у англичанина чуть сузились, а подбородок поджался. Виконт едва сдержал улыбку. Оба прекрасно знали, что при английском дворе есть семейства, крепчайшими узами связанные с Францией, — кто кровным родством, кто титулом. А потому видимость, будто бы французский король не в курсе насчет каждого чиха немощного Генриха, — не более чем условность в игре, которую им необходимо соблюдать. Вот уже несколько месяцев английский король находится, по сути, в бесчувствии, уйдя в него так глубоко, что обратно к жизни его и не вызволить. Не зря же лорды назначили из своего числа «лорд-протектора королевства». Герцог Йоркский Ричард обладал всей полнотой власти и королем не был разве что по названию. Так что уж если встречаться, то, безусловно, с ним, а не с ушедшей в сонное оцепенение монаршей особой. Французский посланник для того и оказался здесь, чтобы оценить силу английского двора и его готовность отстаивать свои интересы. Лишь на мгновение у француза мелькнул лукавой искрой уголь-глаз, гася истинное чувство.

Стоит послать весть, что англичане без своего короля Генриха ослаблены и потеряны, как по одному лишь слову Гаско сюда из Франции нагрянут сотни кораблей, которые разорят и пожгут все английские порты. Ведь жива, жива еще память о том, как англичане проделывали то же самое с Францией, — не настал ли черед, чтобы дьявол теперь поглумился и над островитянами?

Солсбери впереди всех зашагал по нескончаемому хитросплетению коридоров, после чего двумя лестничными пролетами поднялся на верхний этаж к королевским покоям. Даже в столь поздний час Вестминстерский дворец полыхал воспаленно-красным светом светильников, расставленных в нескольких шагах друг от друга. Тем не менее в воздухе чувствовались сырость и запах застарелой плесени (вот что значит близость реки). На подходе к последней двери, возле которой бдела стража, у Гаско мелькнуло желание

замедлить шаг и напоследок еще раз оправить плащ и воротник. Что, в общем-то, было ни к чему: Альфонс не выпустил бы своего господина прежде, чем его убранство будет смотреться безукоризненно.

Кивком головы отпустив солдат, граф Солсбери приостановился; двери изнутри отворили еще двое стражников. Округлым взмахом руки англичанин предложил посланнику войти первым.

— После вас, виконт, — сказал он, сопроводив свой жест колким взглядом.

Ишь как смотрит: по-ястребиному, чуть искоса, ничего не упускает. С таким надо быть настороже. Англичане воистину являют собой сосуд пороков: своекорыстны, запальчивы, алчны — но при всем этом за всю мировую историю никто и никогда не называл их глупыми. О, если б только это попустил Господь! Король Карл сжал бы в своей хватке все их города всего за одно-единственное поколение.

Двери бесшумно закрылись за спиной Солсбери, и виконт Гаско оказался в помещении неожиданно укромном и небольшом. Может, оно так и нужно, чтобы «Защитник и Радетель королевства» заседал именно здесь, подальше от коварных интриг и ловушек королевского двора; однако глубокая ватная тишина в комнате действовала на виконта гнетуще. За окнами чернела неподвижная ночь, и в тон ей оказался одет человек, поднявшийся с кресла навстречу (он даже не сразу стал виден из-за приглушенно горящих светильников).

Герцог Йоркский простер руку, зазывая Гаско дальше вглубь комнаты. У француза от невольной нахлынувшего суеверного страха по шее пополз холодок. Впрочем, внешне Гаско не подал виду: делая шаг вперед, он лишь мельком оглянулся назад — там стоял в гордом одиночестве граф Солсбери, не сводящий с него пытливых глаз.

— Виконт Гаско, — произнес хозяин помещения, — я Ричард Йорк. Рад вас у себя приветствовать и вместе с тем с глу-

бокой печалью извещая, что должен вскоре отослать вас на родину.

— Милорд? — в смятении переспросил француз.

Посланник сел туда, куда указал ему Йорк, и за то время, что лорд-протектор усаживался по другую сторону стола, пытался собрать мятущиеся мысли. Квадратный подбородок и скулы англичанина были чисто выбриты; массивные челюсти смотрелись неким контрастом к его стройной, облаченной в черное фигуре. Вообще, в его облике имелось нечто лисье и волчье. На глазах у виконта он одной рукой откинул со лба пышную прядь, накренив при этом голову, но не отводя от своего визави умного и твердого взгляда.

— Боюсь, милорд Йорк, я не совсем понял, — сбивчиво залопотал посланник. — Прошу простить, я еще не вполне освоился с тем, как мне следует правильно обращаться к лорд-протектору королевства...

Гаско исподтишка оглядывал помещение, надеясь заметить что-нибудь вроде вина или располагающей к беседе легкой закуски, но не видел ничего, кроме разделяющей их голой золотисто-темной глади дубового стола.

Йорк смотрел не моргая, с сумрачно сдвинутыми бровями.

— Во Франции, виконт, я состоял в свите короля. Уверен, что вам об этом известно. В сражениях я лишился титулов и земель, которыми завладел ваш король. Все это вам тоже, должно быть, рассказывали. Об этом я говорю лишь для того, чтобы напомнить: я, в свою очередь, тоже знаю Францию. Знаю вашего короля Карла — и вас, Гаско, я тоже знаю.

— Милорд, я могу лишь предполагать...

Йорк продолжал, словно не слыша этих слов:

— Король Англии погружен в сон, виконт Гаско. Очнется ли он когда-нибудь вообще или так и умрет в постели? Об этом здесь судачат на всех углах, на всех рынках. Не сомневаюсь: говорят об этом и в Париже. Уж не это ли тот са-

мый шанс, которого столь долго и с такой надеждой выжидает ваш сюзерен? Но господь с вами: вы, кому не хватает сил отнять у нас Кале, — вам ли помышлять об Англии?

Гаско, вскидывая брови, открыл рот для возражений, но Йорк упреждающе поднял руку:

— Так приглашаю же вас, виконт. Призываю: бросьте ваши кости, сделайте ход. Используйте шанс, куда король Генрих вязнет в омуте дремоты. Я вновь пройду по землям, что некогда были моими. Снова проведу армию по французским полям, используя встречную возможность. Прошу вас, взвесьте мое приглашение. Пролив — всего лишь нить. Король — лишь человек. Солдат, во всяком случае солдат английский, он ведь просто человек, не так ли? Он может проиграть. Может пасть замертво. Так идите же на нас, пока наш король спит, виконт Гаско. Лезьте на наши стены, пробуйте войти в порты. Я это приветствую столь же душевно, сколь душевно к вам отнесется наш народ. Правда, радость наша, пожалуй, будет грубовата. Мы ведь неотесанные, утонченностью не отличаемся. Но мы чувствуем за собой долг, а потому будем щедры к неприятелю. На каждый обрушенный на нас удар мы ответим тремя и за ценой не постоим. Вы меня понимаете, виконт Гаско — сын Жюльена и Клементины? Брат Андре, Арно и Франсуа? Муж Элоди? Отец двоих сыновей и дочери. Мне их перечислить по именам, Гаско? Описать ваше родовое гнездо, где по бокам от ворот растут сливовые деревья?

— Прошу вас, монсеньор, достаточно, — тихо взмолился посланник. — Ваши намеки вполне ясны.

— Ой ли? — усомнился герцог Йоркский. — Может, мне все же лучше отослать приказ — голубиной почтой, пока вы скачете верхом; пока вы гребете на лодке, под быстрым парусом, — так, чтобы вы действительно поняли мой намек столь же хорошо и полно, сколь понимаю его я? И что я действительно намереваюсь это сделать к вашему возвращению на родину? Гаско, я ведь и вправду могу это осуществить.

— Прошу вас, сир, не делайте этого, — заискивающим тоном произнес француз.

— Стало быть, просите? — прямо и твердо, без улыбки поглядел на него Йорк. Мягкие полутени светильников не скрывали жесткости его лица. — Это я решу, когда вы уедете. Вас ждет корабль, а также люди, которые доставят вас к побережью. Какие бы новости вы ни сообщили своему монарху, желаю вам всех благ, коих вы заслуживаете. Доброй ночи, виконт Гаско. И попутного ветра.

На непослушных, словно шарнирных ногах посланник поднялся и поплелся к дверям. Граф Солсбери, глядя в пол, отворил одну створку, и француз резко, с присвистом втянул зубами воздух, увидев снаружи солдат. В полумраке они смотрелись зловеще, и виконт чуть не вскрикнул, когда они, дружно лязгнув сталью, неожиданно сделали «на караул» и повели его прочь.

Солсбери неслышно прикрыл дверь.

— Не думаю, что они явятся, по крайней мере в этом году, — вслух рассудил он.

Йорк задумчиво хмыкнул:

— Вот уж, право, не знаю. Если они все же откликнутся на мое приглашение, корабли и люди у нас есть. Но все они ждут, нетерпеливо поскуливая, как гончие псы, очнется наш Генрих или нет. — Солсбери молчал. Видя его колебания, Йорк с усталой улыбкой промолвил: — Ладно, час не столь уж поздний. Сходи еще за испанцем. Я и ему прочту пару сонетов.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1454 год
Исход лета

У людей, ущемленных законом, нет иных надежд, кроме как на силу. Если закон становится для них врагом, они становятся врагами закону.

*Эдмунд Бёрк*¹

¹ *Эдмунд Бёрк* (1729–1797) — англо-ирландский политик, публицист, родоначальник идеологии консерватизма.

ГЛАВА 1

Белесый предутренный свет был еще холоден и сероват, а замок уже ожил. Из конюшен выводили и обтирали сеном лошадей; лаяли и грызлись меж собой собаки, взвизгивая и отскакивая под пинками тех, кому они попадали под ноги. Сотни людей, в основном молодых, стаскивали поклажу и оружие, озабоченно снуя по главному двору с охапками и кулями разной величины. Из главной башни своей крепости за всей этой шумной суетой наблюдал в окошко Генри Перси, граф Нортумберлендский. Под августовской жарой камни замка источали тепло, но старик все равно кутался в плащ с меховой опушкой, обернув им плечи и прижимая полы к груди. Был он по-прежнему высок и статен, но возраст уже брал свое и гнул его к земле. Шестой десяток знаменовался ломотой и хрустом в суставах, что делало движения болезненными, а нрав все более запальчивым.

Через свинцовую оплетку окна граф смотрел с хмурым прищуром. Подворье постепенно пробуждалось, оживал и город за стенами замка. С солнцем мир словно воскресал к жизни, и Перси готов был действовать после всего этого нескончаемого выжидания. Сейчас он смотрел, как внизу собираются закованные в броню рыцари; как оруженосцы протягивают им щиты, выкрашенные черным или обернутые мешковиной с обвязкой из бечевы. Цветов Перси — голубых с желтым — на виду не было, отчего подчиненное воинство ждало его приказаний с хмурым видом. На какое-то время им предстоит стать безликой серой толпой, отребьем

без рода и племени, дома и семьи. Людьями без чести, хотя воинов, как известно, отличает и связывает меж собой именно честь.

Старик втянул воздух, резко потеряв нос ладонью. Затеянной хитростью никого вокруг пальца не обвести, но когда кровавая бойня закончится, он так или иначе сможет утверждать, что ни один из его латников или лучников к ней не причастен. И что немаловажно: те, кто мог бы выступить его обличителем, будут уже лежать в земле, холодные и безжизненные.

Из задумчивости его вывело приближение сына: вон он идет за спиной, железно постукивая шпорами по половицам. Старый граф обернулся, сердце чутко замерло в ожидании.

— Бог да дарует тебе хороший день, — сказал Томас Перси с поклоном.

Он тоже повел взглядом на окно, за которым кипела суп-толока. Томас возвел бровь в немом вопросе, на что отец лишь раздраженно фыркнул: действительно, снаружи все так шумело людьями, торопливым шарканьем и стуком шагов, что и разговаривать затруднительно.

— Идем со мной, — бросил Перси-старший и, не дожидаясь ответа, нетерпеливо двинулся по коридору, самой своей властностью увлекая Томаса следом. На подходе к своим покоям старик остановился и, буквально втащив сына внутрь, захлопнул у него за спиной дверь, после чего, порывисто переходя от комнаты к комнате, стал поочередно распахивать и захлопывать все двери. У него на скулах проступал пятнистый румянец взволнованной подозрительности, лишь усиливающийся сетью лиловых прожилок на щеках и носу. С такой расцветкой красноватого мрамора бледность ему не грозит. Краснота эта, нажитая в том числе и за счет крепкого хмельного питья по ту сторону шотландской границы, нраву Перси вполне соответствовала. Возраст не смягчил старика; скорее он его высушил и закалил.

Удостоверившись наконец, что они одни, граф возвратился к сыну, который терпеливо ждал, стоя спиной к двери. Томас Перси — барон Этремонт — ростом был не выше, чем когда-то его отец, но при отсутствии возрастной сутулости вполне мог смотреть старику через голову. В свои тридцать два Томас был в расцвете мужественной красоты: черные волосы без намека на проседь, руки сильны и жилисты — шесть тысяч дней ратных упражнений вылепливают фигуру не хуже любого скульптора. Стоя на месте, он как будто лучился здоровьем и силой; на румяной коже еще не было отметин ни от шрамов, ни от недугов. Несмотря на разницу в годах, отец с сыном имели несомненное сходство, прежде всего носа — фамильный хрящеватый клюв Перси, который нынче можно было то и дело замечать в ближних деревнях и на фермах вокруг Алнвика; счет шел на десятки.

— Ну вот, наконец-то мы наедине, — угомонился с поиском граф. — У нее, твоей разлюбозной матери, всюду уши. Даже с родным сыном нельзя поговорить без того, чтобы ее наушники не донесли о каждом моем слове.

— Ну так что ж за новости? — полюбопытствовал Томас. — Я вижу, люди собирают мечи и луки. Опять что-то на границе?

— Нынче нет. Эти чертовы шотландцы вроде как притихли, хотя я уверен, что Дуглас без усталости так и рыщет, так и принохивается к моим землям. С зимой, когда прижмет голод, они как пить дать сунутся, думая разжиться моим скотом. Ну да мы всыпем им так, что вмиг смажут пятки.

— Я о другом, отец, — проговорил сын, скрывая досаду. Дай отцу волю, так он об «этом выжиге Дугласе» будет разглагольствовать часами. — Твои люди. Они укрыли цвета. Кто угрожает нам настолько, что против него приходится пускать безымянное войско?

Стоящий рядом отец, широко, словно хищные когти раздвинув пальцы, поддел сына за кожаный нагрудник и подтянул к себе.

Иггульден К.

И 26 Война роз. Кн. 2 : Троица : роман / Конн Иггульден ; пер. с англ. А. Шабрина. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 480 с. — (The Big Book. Исторический роман).

ISBN 978-5-389-25474-9

На целый год психическая болезнь превратила Генриха VI в добровольного узника Виндзорского замка. В борьбу за власть, выпавшую из рук сумасшедшего монарха, вступили дворцовые партии, возглавляемые королевой Маргаритой и герцогом Йорком, лордом-протектором. Сторону Йорка принимают граф Солсбери и граф Уорик; эта тройка полна решимости одержать верх над лоялистами Генриха и королевы.

Неожиданно для всех Генрих приходит в себя и отправляется в Лондон, чтобы подтвердить свои права на престол. Равновесие власти окончательно рушится, и страна низвергается в гражданскую войну...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

КОНН ИГГУЛЬДЕН

ВОЙНА РОЗ

Книга 2

ТРОИЦА

Ответственный редактор Геннадий Корчагин
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Валентина Гончар, Ольга Золотова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 15.04.2024.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 29,4. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-58H-34464-01-R